

У первого пилота Ferrari на мгновение дрогнул контроль над болидом. Серджи обошёл Дэниела на выезде вне трассы.

— Это против правил!

Обгон разрешён только на трассе. Любой гоночный комиссар это прекрасно знал как базовый принцип. Дэниел крикнул и вызвал своего гоночного инженера.

[Не переживай, Дэниел. Мы уже разбираемся.]

Гоночный инженер, почувствовав его всплеск ярости, попытался его успокоить.

Прошла примерно минута. Болид Ferrari, проезжая перед казино площадь, постепенно сбросил скорость. По правилам обгон, совершённый с нарушением, должен быть возвращён первоначальному владельцу позиции.

[Обгон в шикан Nouvelle аннулирован, Дэниел из Onyx Featherway поднимается на 3-е место.]

[Это 42-й круг. Все три пилота, идущие на 1-м, 2-м и 3-м местах, выбрали стратегию одного пит-стопа и уверенно держатся на жёстких шинах.]

Его перчатки уже были насквозь мокрыми от пота. Он словно глотал воздух, задыхаясь, и пытаясь удержаться. Каждый удар асфальта по шлему, поток воды через питьевую систему, вибрация пальца на переключателе — всё ощущалось предельно ясно. Горло пересохло так, будто горело в огне. Ему казалось, что он сходит с ума от жары.

Это была реальность. И это был божественный уровень. Гора и стена, которую он обязан был преодолеть. Петля, которую сам Дэниел затянул на своей шее ради Джошуа Линдберга. Настоящая дуэль с пилотами высшего класса, где не прощается ни одной ошибки.

Как стрелок из дешёвого вестерна, он не мог прикоснуться к трофею чемпиона, пока не устранит всех остальных. И мысль о том, что впереди ещё двадцать таких гонок, уже сводила с ума.

Дэниел рассмеялся, как безумец, и вжал педаль.

Чёрт, почему в этом мире нет ни одной простой вещи? «Езжай быстро и обгоняй» — почему эта простая идея настолько адски сложна!

[2,2 секунды! Onyx Featherway показывает отличный пит-стоп!]

[Позиция Дэниела — 3-я! Серджи Мильштейн набрал пугающий темп. Сможет ли он удержать позицию?]

Это был решающий момент. Дэниел снова преодолел «белое пятно» и открыл глаза.

Предельное возбуждение и высокая концентрация в какой-то момент пересекаются мягкой кривой и сходятся в одной точке. В такие моменты всё вокруг затихает. Остаётся только собственное дыхание, поглощённое вниманием.

Семилетний Дэниел Линдберг не сомневался, что станет самым быстрым пилотом в мире.

И в том смысле, что эта детская вера до сих пор не исчезла, Дэниел ничем не отличался от ребёнка. А Onyx Featherway был тем самым безумным механизмом, который готов был сделать

для этого ребёнка всё — кроме невозможного.

Дэниел любил спорт, в котором повсюду были такие «безумцы».

[Дэниел Линдберг завершает гонку на 3-м месте!]

Жаль, что здесь не было Алека Уокера. Если бы он понимал хотя бы десятую часть его чувств, он бы не осмелился сказать, что Формула-1 скучна и неинтересна.

Радиосообщение Адама, наполненное эмоциями, настигло его.

[Дэниел, ты 3-й! Отличная работа!]

Каждый раз, видя младшего брата на трибунах, с зажатым в руках шлемом и застывшим от страха, он проецировал на трассу ненависть.

Но не только её.

Этот ослепительный стадион был полон вещей лучше, чем ненависть. Именно поэтому Дэниел не мог держаться вдали от гонок.

— Спасибо. Вся команда отлично поработала.

Дэниел Линдберг завершил свой седьмой Гран-при Монако на 3-м месте. Сезон с самым высоким личным результатом в его карьере продолжался.

□

Пройдя мимо ликующей, машущей толпы и проехав ещё полкруга, он выехал на казино площадь. Члены команды уже ждали Дэниела.

Машины, занявшие 1-е и 2-е места, уже стояли. Серебристый болид Mercedes и машина McLaren были неподвижны.

Красной машины, которая должна была там быть, не оказалось. Дэниел запоздало вспомнил, что обошёл Ferrari, и тихо усмехнулся.

Привыкание — страшная вещь. Похоже, схема «1-е место — Mercedes, 2-е — Ferrari, 3-е — McLaren» каким-то образом закрепились у него в голове как у пилота.

Традиционно болиды с 1-го по 3-е место останавливались у площади казино для церемонии с командами.

Чёрный болид Дэниела занял 3-ю позицию. Машина, стоявшая рядом с розовой табличкой с большой цифрой «3», всё ещё выглядела непривычно.

— Дэниел! Дэниел! Дэниел! Дэниел!

Безумная команда творила безумные вещи. Им было мало объятий и дружеских похлопываний по плечам — они скандировали его имя, как первобытное племя.

Дэниел охотно стал вождём этого племени. Вылезая из машины, он сразу же забрался на болид. Подпрыгивая на месте с раскинутыми руками, он громко кричал в сторону ликующей команды. Он уже собирался прыгнуть вниз.

Если бы он не заметил неожиданное лицо — прыгнул бы не задумываясь.

— ...?

— Почему нет? Прыгай. Было бы интересное зрелище.

На этом месте стоял тот, кого здесь быть не должно. Алек Уокер с пропуском персонала на шее стоял, засунув руки в карманы, и с усмешкой смотрел на Дэниела.

Это было лицо, которое он не видел уже месяц. То, как он стоял, напоминало образ, который он когда-то видел в паддоке, но, в отличие от того времени, в нём не осталось ни следа холодности. Намёк на улыбку, видневшийся за красновато-коричневыми солнечными очками на кончике носа, был липким, как соленый ветер. Его кобальтово-синие глаза выглядели слегка насмешливыми.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы вернуться из состояния вождя неизвестного племени обратно в Дэниела Линдберга. Он поспешно снял шлем.

— Почему ты здесь? Ты же сказал, что не сможешь прийти на гонку, потому что занят?

— Я действительно не смог посмотреть её. Я приехал на трассу буквально перед последним кругом.

— Тогда разве не лучше было вообще не приезжать?

— Я тоже так думаю, но...

Проехавшие финиш гонщики один за другим проходили через площадь казино. Среди них был и болид Марселя, который с трудом удержался в очках, финишировав девятым.

На мгновение улыбка исчезла с лица Алека, когда его взгляд задержался на нём.

— Откладывать то, что нужно сделать, тоже не в моём стиле.

—?

— Ничего. В любом случае ты хорошо справился. Иди и нормально открой шампанское.

Алек носил на губах правдоподобную улыбку, словно гладкий шарф. То, как он провожал его к подиуму, выглядело странно освежающе.

Как свет и тьма сосуществуют, так же существуют победа и поражение.

В тот момент, когда празднование Дэниела Линдберга было в самом разгаре, Марсель Диас, вернувшийся в боксы, стоял в пустой раздевалке с опущенной головой и снятым шлемом.

Объективно говоря, Марсель Диас показал отличный результат. На трассе, где в прошлом году он был лишь семнадцатым, он стартовал с десятого места, финишировал девятым и даже заработал очки.

«Я проиграл».

Тем не менее, чувство самоотвращения, разлившееся по всему телу, было огромным.

Он знал, что его шансы на победу невелики. Именно поэтому это было поражение, о котором он сознательно даже не позволял себе думать.

Большинство считало, что главное преимущество Марселя Диаса — деньги или связи, но они ошибались. Его главным активом была неугасимая жажда борьбы.

Марсель Диас не ограничивался соперниками, которых считал слабее себя. Он искренне верил, что исход поединка можно понять только после того, как сойдёшься в полном столкновении до самого конца.

Дэниел Линдберг это знал, поэтому не пытался его «заткнуть». Он решил сломать его боевой дух.

«Полное поражение».

Вот что получилось. Дэниел Линдберг, выступая на точно такой же машине, сейчас красиво стоял на подиуме, а он — в раздевалке.

Это была реальность и разница в таланте. Горькая чаша поражения, которую он уже однажды испил на Имоле, снова оказалась наполнена сегодня. Перед этим отравленным кубком истины Марсель сжал телефон.

«Если сейчас...»

Способ превратить этот отравленный кубок в удар по Дэниелу Линдбергу был прост. Достаточно было разблокировать телефон и сделать один звонок в газету, которую спонсировал его отец, вложив огромные деньги. Он не знал, насколько разрушительной могла быть дешёвая статья о сексуальном скандале со спонсором, но удар был бы точным и эффективным. А если не хотелось пачкать собственные руки и рот, можно было просто позвонить отцу — в списке всё ещё висел пропущенный вызов. Двадцатичетырёхлетний неудачник стоял посреди раздевалки, терзаемый внутренним конфликтом. Но в конце концов Марсель убрал телефон и уныло опустил голову. Именно в этот момент дверь раздевалки бесшумно открылась. Марсель, не проверив, кто это, раздражённо бросил:

— Выйдите. Я сказал, чтобы никто не входил.

— Если ты о менеджере снаружи, я его отправил. Я не собираюсь ждать, пока ты сам решишь выйти.

Тот, кто вошёл в раздевалку в туфлях, оказался неожиданным человеком. Марсель растерялся, увидев спонсора команды с тёмно-русый волосом, похожим на хорошо пропечённый чизкейк. Почему этот человек здесь?

Это была их вторая встреча с Алеком Уокером. Спонсор, который посещал паддок накануне Гран-при Имолы, тогда ограничился формальными приветствиями, его взгляд был таким же холодным, как сейчас.

И от тех «приветствий» у Марселя остались только неприятные воспоминания — всё выглядело так, будто от него просто хотели быстрее отделаться.

Но если он не ошибался, сегодня тот казался ещё холоднее, чем тогда.

— Что вас сюда привело...

Алек Уокер закрыл дверь на замок.

— Результат гонки весьма показательный. После того как ты сам всё неправильно понял и ещё полез в драку — неплохой итог.

—!

Мужчина окинул взглядом раздевалку и подошёл ближе — на расстояние пяти шагов. Его глаза, скрытые за солнечными очками, выглядели странно зловеще.

— И вдобавок ты поставил менеджера в общественном месте и решил, кого пускать, а кого нет... Похоже, тебе в этом мире живётся легко, Марсель, благодаря хорошему отцу. Мне — нет.

— О чём вы вообще говорите...

— Марсель Диас. Если тебе хочется проживать всякие дерьмовые ситуации, не обязательно выбирать сложный путь. Не бей Дэниела по лицу — приходи ко мне и угрожай мне.

Раздражённый голос, совершенно не подходящий к ленивой улыбке, сделал воздух в раздевалке ледяным.

— Тогда я тоже смогу без колебаний избавиться от сопляка, который цепляется за отцовские деньги и ноет, и без ограничений со стороны команды. Разве это не выгодно нам обоим?

—

Марсель невольно сделал шаг назад.

Улыбка была яркой и обжигающей, как полуденное солнце. Казалось, если долго смотреть на неё, думая, что она просто красивая, можно ослепнуть.

— Если уж учиться разбираться с людьми кулаками, так учись нормально. Либо разбивай голову кирпичом, либо стирай лицо на тёрке. Тебе не кажется, что искры летят слишком высоко только потому, что ты машешь кулаками как попало?

— Э-это не ваше дело, мистер Уокер.

— С чего бы. Думаешь, после этого «не моего дела» ты не окажешься в мусорных баках рядом с обанкротившейся газетой?

— Как вы...

— Очевидно. Думаешь, я не встречал таких лягушек в колодце как ты хотя бы пару раз?

«Когда он раньше относился ко мне как к своему, а теперь как к чужаку?»

Алек улыбнулся спокойнее, явно раздражённый товарищем по команде, который пытался исключить его из разговора так, будто это было заранее согласовано. Чем спокойнее он выглядел, тем сильнее Марсель дрожал, словно мышь, поражённая нейротоксином кобры.

Это был опасный человек — как демон, насмехающийся над священником, совершающим крестное знамение. Казалось, он способен наложить проклятие, которое проникнет в самую кость.

Это лицо, заставляющее противника застыть, словно в трясине, в которую беспомощно проваливаешься, угрожало прямо перед ним.

— Я скорее испорчу сезон, исключив пилота, чем буду смотреть, как кто-то в моей команде вульгарно размахивает кулаками. Веди себя как пилот. Как спортсмен.

—

— Ты понял, что я сказал?

Перед этим предупреждением, коротким и жёстким, как сигнал красной тревоги, Марсель, подавленный давлением, с которым он никогда раньше не сталкивался, медленно кивнул.

Застоявшийся воздух снова пришёл в движение. Холод, кружившийся в раздевалке, исчез, словно его смыло.

Но один только Алек Уокер остался прежним.

— Хорошо. Хороший мальчик, молодой хозяин.

Это была улыбка, на которую было трудно смотреть, от которой становило холодно на душе.

<http://bllate.org/book/17841/1719139>